

Женя Голубенко

Zveri

На лестничную клетку старого дома, в «фонарь», проникла ворона. Верхний слой остекления был поврежден, некоторых стекол давно не хватало, и ворона залетела внутрь, попала в западню между двумя прозрачными слоями. Снаружи ей было хорошо видно отверстие, но изнутри на фоне неба фонарь казался однородно целым. Ворона наудачу тыкалась туда-сюда, ударяясь о стекло между железными рамами. Потом долго сидела, отдыхала, размышляя. И опять в истерике бросалась наугад, билась крыльями о невидимую преграду. Ловушка была большая, площадь остекления метров тридцать квадратных, и между слоями не меньше пяти метров высота, но дни стояли жаркие, а температура внутри парниковая. Ворона хотела пить и в перерывах между попытками сидела, тяжело дыша с открытым клювом. Два дня она металась в ловушке в надежде на случайное освобождение, и сил у нее оставалось все меньше. Пришлось лезть на крышу и частично разбирать остекление, увеличивать и так не малую прореху. Безрезультатно. Ворона не видела отверстия. Только тогда, когда я нашел большую ветку, срезанную весной со старой липы, и, размахивая ею внутри фонаря, погнал птицу в нужном направлении, она выскочила наконец наружу. И в эту минуту ко мне пришло понимание, что кот Мальчик, отсутствующий четвертые сутки, уже не придет никогда.

Памяти Якопетти.

Звукооператор Роже ди Поньо стоял на парапете Потемкинской лестницы в Одессе (рядом с тем местом, где начала свое движение в вечность знаменитая детская коляска Эйзен-

штейна) и вглядывался в высохшую траву, в чахлый осенний бурьян.

– Авэглъ, – произнес он и показал на облезлого кота, который осторожно пробирался по склону вдоль легендарного сооружения. Кот был с бельмами на глазах.

– Слепой! – перевела переводчик.

Съемочная группа занималась своими обычными подготовительными делами, в частности начали причесывать своего кота-актера (ему предстоял тяжелый рабочий день), а я выучил еще одно французское слово. В добавок к мерси, бон жур, мон амур, пардон и соваж. До этого я пополнил свои знания странным словом бизар.

Вадик и Саша фотограф – приятели. Вадик и его сучка доберман пинчер тоже друзья – общеизвестно, что собака друг человека. Вадик иногда брал свою подружку в командировку, и жили они втроем (Саша не возражал) в одной комнате гостиницы. Мужчины-люди спали на кроватях, а девушка-собака – на полу. Но это только с вечера, потому что поутру оказывалось – Саша фотограф спит на полу, а собака Вадика на его кровати. К своему хозяину она не лезла, потому что это только говорят, что собака друг человека, а на самом деле он ей вожак и начальник. А Саша в этой компании был «слабое звено».

Есть выражение «система ниппель». Оно обозначает, что клапан работает в одном направлении. К примеру, вы вошли в квартиру, и собака вежливо посторонилась, пропуская вас, но когда вам понадобилось выйти, умный хорошо обученный пес садится у двери и молча наблюдает за вашим поведением. Не сомневайтесь – уже не выйдете. Я ремонтировал кухню у друзей, державших доберманов, собак, которые были на службе у полиции, и даже деревянный Буратино их побаивался. На целый день я оставался в компании собак и никогда не понимал, что у них на уме. Обычно им было плевать на меня, но пару раз, когда я стоял на стремянке, пес подходил и ложился внизу под лестницей. И на всякий случай, чтобы не искушать судьбу, я сидел на верхо-туре, пока ей не надоест сторожить меня.

Кошка Зигфрид любит писать письма. И получать сообщения от других кошек обожает не меньше. Друзья и случайные гости всегда приносят на своей одежде и вещах запахи своих животных. Зигфрид обнюхивает ноги, засовывает голову в чужую сумку. Глубоко вдыхает аромат, который мы, люди, не ощущаем. И начинает тереться – писать письмо или телеграмму ответ. Приблизительно такого содержания: – не молодая, но очень интересная, черепаховой масти, не переносит запах косметики, домоседка без вредных привычек и т. д. В молодости у нее была вредная привычка присасываться к шее человека (ее рано оторвали от груди), но уже давно прошла, и никакого вреда эта ее слабость никому не причиняла. Зигфриду абсолютно чужда грубая материальность мира. Духовность Зигфрида проявляется в том, что физическое присутствие рядом с ней другой кошки или, не дай бог, собаки ее натуре нестерпимо отвратительно.

Совет. Если вечером вы пошли выносить мусор и споткнулись в темноте обо что-то маленькое и живое – не спешите из любопытства брать «это» в руки. Может случиться, что это брошенный щенок, и вы не сможете положить его обратно.

Стая бродячих ничейных собак пришла на «собачий пляж». Хотя он и считался собачьим в народе, хозяев с собаками на нем не больше, чем на любом другом пляже. Не было нигде и вывесок на эту тему. Пляж не благоустроенный, дикий, и собаки пришли в количестве штук тридцать, окунулись в море и устроились, заполнив все промежутки между людьми. Очень дружелюбно расположились. Чепуха, в принципе, если бы одни мокрые собаки не отряхивались, вывалявшись в песке, а другие не улеглись на чужие (человеческие) подстилки.

Куда девать живность, если надо срочно уехать? Вечная проблема собакоготовладельца.

– Почему вы гуляете с собакой Жени Голубенко? – спрашивал сосед Арсен Захарьянц всякого моего приятеля, которому приходилось оставаться с собакой во время моих отлучек. И они отчитывались перед Арсеном: куда, зачем и на какой срок

я уехал, что бы снять подозрение в воровстве моей дворняги. Елена Михайловна Васильева даже была вынуждена приобрести в собственность немолодую болонку, с которой согласилась побыть во время командировки знакомых. После возвращения хозяев собака приходила под балкон временных опекунов и выла там, демонстрируя им свою любовную тоску. Может, ее пленил красный бант, который на новом месте ей повязывали на голову? Этот бант, по свидетельству новой хозяйки, возбуждал у соседа алкоголика подозрения насчет принадлежности собаки к коммунистической партии. Но нрав собаки – довольно фривольный (она была слаба на передок – если применять к ней человеческую терминологию), делает невозможной эту версию. Времена, когда коммунизм предполагал общность жен, давно прошли. Вид этой сучки у одних вызывал умиление: – Ой, какая хорошенькая! А у других неприятие: – Ой, какая страшенькая! Но собака об этом не догадывалась.

Архитектор Гердт Иван Иванович жил с любимым котом Рыжиком в любимом им городе Львове. Но в любимом городе были проблемы с работой, и пришлось искать ее на стороне – в столице бывшей родины – Москве. Во львовской квартире поселились друзья, и забота о коте им досталась в придачу с жилплощадью. Только через пять лет у Ивана Ивановича появилось свое жилье в Подмоскowie, и он решил наконец забрать свое животное. Сделал ему загранпаспорт: красивый, с цветной фотографией друга, со всеми медицинскими справками, и тут выяснилось, что друзья отказываются возвращать кота. Они его полюбили, и кот к ним привык, давно забыл своего прежнего хозяина.

Кусок проволоки с железным шаром на конце у спортсменов почему-то называется молот. И они его, раскрутив вокруг себя, кидают куда подальше. А как назвать «спортивный» снаряд из восьмикилограммовой собаки на конце поводка, который вы вертите в воздухе? Вертите, потому что если ваша собака опустится на землю, то чужой ротвейлер вопьется ей в глотку. Меж тем хозяйка супостата приближается к вам не спеша, на полусогнутых, а ее команды своему любимцу носят декоративно-необязательный

для исполнения характер: с одной стороны, вроде бы и «Фу, нельзя!», а с другой – «Можно, и задай им покрепче!». Дама подошла, когда я уже лежал на спине, прижав свою собаку к животу, а от ее зверя отбивался ногами, как заяц от орла.

Совершеннолетие у людей. У современных, не дикарей – однозначно веселый праздник. Католики выставляют в витринах магазинов фотографии подростков, готовых к первому причастию. У собак – все с точностью до наоборот. Вот собака Каштан живет на лестничной клетке, и каждый день весело встречает подростка Тузика. Впечатление, что он в нем души не чаёт. Тем более удивительно и обидно Тузику, когда в один прекрасный, то есть ужасный день Каштан ни с того ни с сего схватил его больно за холку и «уважать себя заставил». А он, Тузик, его и так уважает, как старшего, зачем больно делать? Это совершеннолетие собачье наступило, догадался я. Тузик вырос и может потребовать равных с Каштаном прав на территорию парадного. Нужно показать кто в «доме» хозяин.

Загадки природы. Одна кошка интенсивно ест, а вес набирает другая.

В тени памятника Тарасу Григорьевичу Шевченко в парке имени Тараса Григорьевича от летнего зноя спрятались бродячие собаки. В количестве три штуки. Означает ли это их особое отношение к великому украинскому поэту? Не знаю. Значит ли это, что сам поэт как-то особенно относился к собакам, и они это ощущают, скрываясь в его могучей тени? Тоже неизвестно. Но со стороны, когда окидываешь взглядом эту выразительную скульптурную группу: великий Кобзарь, набычившись, смотрит вперед, а косая тень его изваяния прячет от солнца неприкаянных и никому не нужных псов, сюжет выглядит осмысленно законченным, хотя участники этой инсталляции и задействованы «в темную», то есть в замысел Творца не посвящены.

Образное решение. На голове и распростертых крыльях орла расселись голуби. Топчутся на птице и гадят на нее немилосерд-

но. Почему бы и не гадить, если стервятник каменный. Точнее, отлит из бетона в эпоху расцвета «курортного стиля». Посадили гордую птицу на груду камней у родника. Посадили и забыли о ней навеки, отдали мелким городским пакостникам, голубям, на поругание.

Должны ли авторы городских изваяний учитывать неизбежное соавторство природы? Я не про патину старины или зелень мха на поверхностях, я о том, учитывается ли скульптором силуэт незваной птицы на голове романтической фигуры или сосулька на вытянутой вперед ладони, указующей путь в светлое завтра?

Параллельные миры.

Досадные случаи драк за земельные участки, давно разделенные между людьми, не только не редкость между котами, но и постыдная повседневная практика в нашем городе-герое.

Случай души прекрасного порыва, непреднамеренного, искреннего и синхронного, произошел на границе тротуара и проезжей части. Овчарка на коротком поводке (хозяйка готовилась переходить дорогу в неполюженном месте) выронила изо рта маленький резиновый мячик, и тот весело поскакал наперерез машинам. Все мое существо рвалось вперед, на мостовую: успеть схватить игрушку из-под колес и вернуть растяпе-собаке. То же самое произошло и с овчаркой. Она подалась вперед, натянув поводок до отказа. Но хозяйки крепко держали нас обоих. Каждого своя. Мою звали инстинкт самосохранения.

Я знаю столетнюю липу уже двадцать четыре года. Огромные стаи скворцов отдыхали на ее ветках. Тысячи грачей. Сотни голубей. Вороны.

Однажды следом за грачами на дерево опустился ястреб. Они сидели рядом – охотник и жертвы, но птицы не взлетали, понимая, что на просторе у них нет преимущества и шансов. А он ничего не мог с ними поделать среди густого переплетения ветвей. Не мог даже расправить свои крылья. В другой раз другой ястреб закусывал на липе половинкой голубя, и перья, плавно кружась, опускались на асфальт двора. Хищник держал

лапой тушку, а клювом рвал мясо, и оно как резина растягивалось длинными полосками. Дятлы, синицы, сойки и сороки – постоянные гости дерева. Но почему-то не воробьи. Этим товарищей липа совсем не интересуется. Кошки – да, те лазят по ней периодически. Не все. А три подростка, как минимум, вскарабкавшись наверх, оказывались в западне собственного страха. Один орал два дня, боялся даже смотреть вниз, пока соседский мальчик не влез на липу и не стряхнул его, как спелую грушу или яблоко, или сливу – выбрать по вкусу, на крышу пристройки (кошка раскачивалась на самом краю тонкой ветки). За другим по лестнице лазила девочка. Третьего, с нижней развилки, шваброй стащил я. Если иметь железные нервы и не обращать внимания на крики отчаявшейся кошки, можно часами наблюдать, как она пытается спуститься с дерева головой вниз. Сделав один шаг и почувствовав, что между когтями и корой нет сцепки, испуганное животное возвращается на прежнюю позицию или, еще хуже, лезет выше по стволу от человека, который приближается, чтобы ему помочь. Я могу поделиться изобретенной мною технологией спуска полукоматозной кошки. Когда обессилевшая тварь, уписавшись, уже висит животом на ветке, нужно, взяв за шкурку, пересадить ее пониже прямо перед собой, а затем спуститься самому. Потом опять оторвать ее, как магнит, и опять посадить ниже (она обязательно вцепится когтями там, где ее посадишь). И так до самого низа. Ни в коем случае не брать на руки – покалечит. Вверх кошки лезут инстинктивно, а спуску вниз их обучает мать.

Летний месяц июль на украинском языке называется лыпэнь. Но цветет она в середине июня, в чэрвне, и тысячи пчел собирают нектар с ее цветов.

Стыд. Вы отстояли длинную очередь в кассу универсама, расплатились, все покупки упаковали и на выходе столкнулись в дверях с бездомной собакой. Она смотрит вам в глаза, обнюхивает кульки, но там ничего съедобного для собаки нет, а возвращаться в магазин за бутерной колбасой вам лень, неохота. Неохота совать вещи с покупками в камеру хранения, опять стоять в длинной очереди.

Раздражение и обида. Вы пересилили себя, вернулись в магазин, купили ей чего-нибудь, а собака не дождалась, давно убежала искать счастья в другом месте.

Злость. Собака на месте, но ваше подношение ей не по вкусу. Понюхала подарок и удалилась, не сказав не слова.

Бродяжка с пятью собаками – сплошная рвань, высокомерно отказалась от денег. «Мелочь не беру», – заявила она, даже не посмотрев, что мелочи ей было предложено минимум на две условных единицы, что для бомжихи совсем не мелочь – гривен десять в украинской валюте. Зимой и летом, присев под стеной дома, она читала книгу через увеличительное стекло. В разных местах центра города. Только собак становилось все меньше с каждой случайной встречей. Что она читала, я так и не рассмотрел. Своим отказом от мелочи она напомнила мне Дон Кихота, который ходил в рваной одежде, потому что как истинный аристократ чиненого не носил.

Такую любительницу чтения я уже видел однажды в Москве. Шел мокрый снег. Женщина сидела на газете. В одной руке держала книгу, а другую, в варежке, протягивала к прохожим. Собак у нее не было.

Симбиоз бездомных людей с бездомными собаками стал браться в глаза после установки в городе импортных мусорных баков. До этого собаки легко запрыгивали в открытые железные ящики, отгоняли котов и рылись в пищевых отбросах. Теперь они покорно бредут от «Альтфатера» к «Альтфатеру» (название фирмы красиво написано на каждом контейнере) за своими опекунами, терпеливо ждут, пока те откроют крышку и отсортируют находки – на полезные и ненужные. Радостно вертят хвостами, когда получают часть пищевой добычи. Какая польза бомжам от этих четвероногих товарищей? Какие защитники из этих тихих, пришибленных жизнью тварей? Они согревают им душу в холодных подвалах городских трущоб.

Уже сменилась третья фирма, зарабатывающая на вывозе мусора, а горожане называют контейнеры именем самой первой. Выбросить в «Альтфатер», найти у «Альтфатера» – полюбились одесситам именно эти сочетания звуков.

Через лет сто никто и не вспомнит, почему мусоросборник называют немецким словом «Дедушка».

«Фетяска» и «Мускат». Звучит красиво и завлекательно. Вино все-таки. Наверно вкусное. Фетяска на румынском означает «Девичье». Дети так назвали приبلудную дворнягу. Девичье – уже немолодая и много рожавшая истеричная сучка. Придурковатая и непредсказуемая, как и ее «яблоко от яблони» сын Мускат. Своих жильцов любят. А случайных прохожих могут цапнуть. Только колбаса спасает от насилия. Заранее нарезанная на куски и разбрасываемая подальше с точным расчетом на время пересечения двора: от ворот до дверей нужной квартиры. Можно и схитрить, пожадничать, колбасу не покупать, а позвонить по мобильному друзьям и попросить встретить на улице.

Хочется открыть фирму с таким рекламным слоганом: – Дадим имя вашей кошке! Подберем кличку собаке, кролику, хомячку или белой крысе! Можем и фамилию придумать. И образцы предоставить типа Чернобелов, Полосатов, Пестров, Пушкив-Муркин, Когтистый-Дикий и т. д. Народное творчество перешибить все равно трудно. Я знал ничем не примечательного кота по кличке Манюний. Манюний – слово, производное от манюня, то есть малыш, маленький. И я понимаю, что в детстве этот здоровенный котяра таковым и был. А сейчас раскормленный лентяй грелся на солнце и едва поворачивал голову на толстой шее к своей хозяйке, бабе Марии, если она обращалась к нему с вопросом. В ее в лексиконе кроме кошачьего имени были и другие интересные слова: оберкоса, грехфрукт, маникюр, а также общеупотребительные в Украине калидор, лисапет, чумайдан и шоколадка.

Японская поэзия:

Зима. Дождь.

Какая-то крупная птица села на голую ветку.

Пока я искал очки – она улетела.

Наверно ворона.

Сильный ветер треплет на ветках белые крылья голубя или чайки

Я надел очки – увы, это всего лишь целлофановый пакет, зацепившийся за дерево.

Выбор природы для киносъемки. Пустынная дорога вдоль берега сухого лимана. Трудно сосредоточиться на цели поездки. Трудно вникать в суть вопроса: годится ли место для съемки сценарного эпизода, если в пяти шагах от берега совершается таинство природы. Не по телевизору в передаче «В мире животных», а тут, у тебя под носом водяные ужи охотятся на лягушек. В прорехах зарослей осоки прекрасно видно, как уж схватил жертву за ногу, и она орет от страха, пытаясь вырваться. Другой охотник, чуть поменьше (или чуть короче, надо говорить), вцепился за голову этой же лягушки и тянет ее к себе. И ни один не может пересилить. Они сплелись вместе, и клубок медленно, извиваясь, укатился в камыши – с глаз долой.

Один заядлый рыбак любил в качестве наживки на сома использовать живых лягушек (на крючок цеплял их за лапу, чтобы дергались активно) и держал запас живности в пластмассовой канистре. Ночью уж, забравшись внутрь, всех лягушек из жадности проглотил. Выглядел он на дне канистры, как чурчхела. Такая грузинская сладость: длинный стручок со вздутиями орехов в застывшем сиропе виноградного сока. Выбраться наружу уж не смог – в горлышко канистры не проходил. Но, может, это и враки, байки рыбаков нужно делить надвое, даже если рассказчик и молодой подающий большие надежды микробиолог.

Толя Миронович принес в школу дохлого крота. Бархатисто-черный зверек умещался на его ладони. А я смотрел, и не понимал, почему он такой маленький – ведь на иллюстрации в книге про Дюймовочку слепой крот гораздо больше маленькой девочки. До школы я понятия не имел, что это такое, дюйм. Поэтому размер крота соотносил с размером понятной мне девочки. Когда получил представление о мерах длины – про сказку давно забыл, и ее образы остались нетронутыми, не корректировались. До сих пор помню свое разочарование

малыми размерами этого милого животного – злейшего врага крестьян-землевладельцев.

Мария Семеновна преподавала у нас ботанику, зоологию и анатомию в старших классах. Каждую весну перед каникулами она распределяла среди учеников задания на лето. Пока она требовала собирать тополиный пух и сушить соцветия дурмана – никто особо не выступал. Неохота возиться, но что поделаешь? А в классе седьмом ее требования выросли вместе с нами. Мария Семеновна велела ловить пресмыкающихся и спиртовать их в стеклянных банках. На возмущенный ропот она заявила, что не надо корчить из себя таких уж неженков.

– Я про вас все прекрасно знаю, – сказала она, – мальчикам с живой кошки шкуру содрать ничего не стоит, а тут лягушку за- спиртовать, или ужа, вам будет раз плюнуть.

Насчет детской жестокости она была абсолютно права, и использовать земноводных в качестве живой мишени при стрельбе камнями было в порядке вещей. И обгадившегося от страха ужа таскать по школе, засунув в карман школьной формы, тоже нормальная практика. А вот заниматься живодерством с научной целью никто не стал. Не нашлось ни одного желающего посвятить себя зоологии. Мария Семеновна никогда не говорила нам: – Закройте рты! – если хотела унять галдеж в классе. Она говорила: – Закройте губы!

И к слову о лягушках. Саша Ш. очень любит животных. Саша Ш. пошел учиться на ветеринара. Когда на первом курсе нужно было препарировать живую лягушку – он потерял сознание – оказался профнепригодным.

Уже не первый год повторяется одна и та же история. Семейная пара ищет место для выведения потомства. Она – почти белая, как в подвенечном платье, а он обыкновенный серенький. Он предлагает варианты, а она их один за другим отвергает, капризничает. Попутно голубки кормятся и совокупаются на ветках липы. И каждый раз он предлагает ей вить гнездо на заброшенном жильцами балконе. Роскошное место – в квартире давно

никто не живет, это видно любому дураку. Но не голубке. Она сначала как бы соглашается с мужем. Они даже начинают что-то сооружать, собирать мусор, а потом, взбрыкнув, птица бросает прекрасное место и улетает. Если бы я, как царь Соломон, понимал язык зверей и мог бы говорить на языке голубей, то, естественно, я заступился бы за главу семейства, подтвердил бы правоту его доводов. Я бы крикнул беременной женщине-птице, что жильцы квартиры давно вымерли, кошкам это место недоступно, и никто их не потревожит.

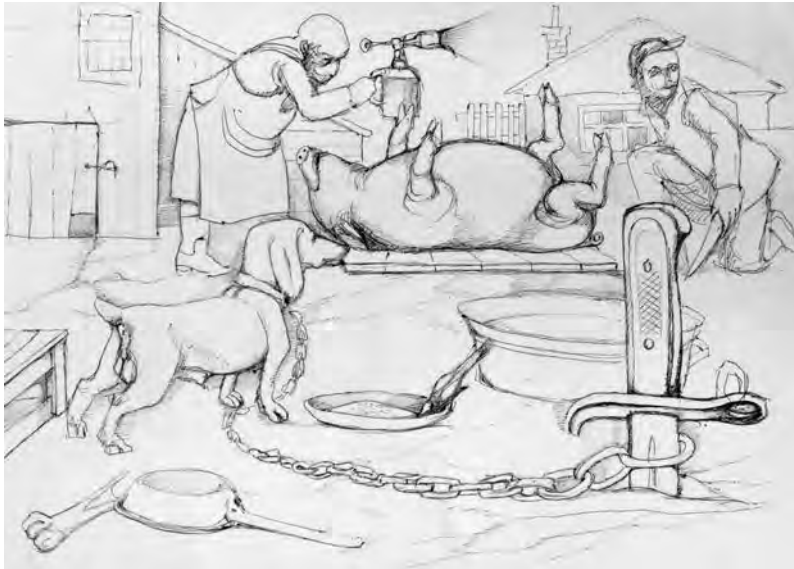
Я не верю в переселение душ, к сожалению. Но легко понимаю, отчего так притягательно это представление, от какого рода случайностей сформировалось это красивое поверье. Как часто летом в наш дом залетали птицы! Через открытую балконную дверь и через окна. Голуби, синицы, воробей, а вечером с наступлением темноты уже три раза залетали летучие мыши. Мороки с ними не оберешься. Одна, не сумев выбраться ночью, даже передневала, спрятавшись за картиной. И часто в эти дни кто-нибудь умирал. Так совпадало. Когда умерла мать, на улице пристала бродячая собака, поднялась со мной на третий этаж, виляла хвостом, загадочно улыбалась, но ничего из предложенного есть не стала. А о смерти брата я узнал в день, когда мне за городом встретился хомяк. Не домашний, живущий в клетке, а дикий, полевой, необычно большого размера. Он пробирался по асфальтовой дорожке вдоль бровки, и когда я вылез из машины, чтобы его посадить, помочь перебраться на зеленый газон, он уже добрался до трещины между камнями и справился сам, выбрался из «каменных джунглей» на привычную мягкую землю.

Нельзя показывать врачам фильм про врачей. Художникам про художников. И слесарям про слесарей – всегда найдут ошибки и будут нудно придираются к мелочам, заметным только им, узким специалистам в своей области. Нельзя без улыбки подробно рассматривать гениальную картину Саврасова «Грачи прилетели» не то что орнитологу, но и просто грачевладельцу. Никакие это на картине не грачи. Что-то в общих чертах похожее, конечно, присутствует, если не присматриваться внимательно. Какие-то

черные птицы. И если те, которые кружатся вдали, так называемая массовка, еще так-сяк, то этот потомок динозавров на переднем плане слева (с дурацкой круглой головой) – совсем никуда не годится. Но тогда стоит вопрос: как назвать эту чудесную картину? Как у собаки Павлова желудочный сок выделяется при зажигании лампочки, так у всякого русского человека с раннего детства при словах «грачи прилетели» возникает в голове картинка ранней весны: мокрый снег, низкая тоскливая облачность, осязаемая мокрота внутри прохуdivшихся ботинок и обещание скорого тепла и света.

Какой бы интерьер, написанный Эммануэлем де Витте, вы ни рассматривали: синагоги, кальвинистской церкви или католического собора – везде по переднему плану увидите собак. И мелких, и довольно крупных, породистых. Также в некоторых интерьерах мозолит глаза одна и та же мужская фигура в запоминающемся плаще. Какой-то зевака таскается туда-сюда от скуки. И художник за ним. Не увидите только злобной старухи из православного храма, которая обругает и выгонит из церкви не только зашедшую погреться собаку, а поперет и случайного посетителя, если тот забыл обнажить голову или неправильно держит руки. Кошек на картинах мастера я не нашел. Но это и понятно. Кошка в церкви неуместна потому, что с «нечистым» накоротке. Это видно по картине Лоренцо Лотто «Благовещение». Прямо в центре, хочется сказать – кадра, кошка злобно выгнула спину и ощерилась на ангела. Ему это, правда, до лампочки – он явился не кошек гладить, не сводничать, что допускает возможность выбора, а просто поставить девушку перед неотвратимым фактом.

Мои родители на крошечном участке возле крохотного дома всегда держали кур. Временами и кроликами занимались. И тех и других растили, чтобы принимать в пищу, как и их предки. Резали птицу, снимали с кроликов шкурки, выделявали и превращали в деньги. Были и кошки. Во дворе. Некоторые получали «грин-карту» на кухню – согреться у печи морозными зимними ночами – дальше, в комнаты, кошки не совались. В присутствии родителей по крайней мере.

А мои кошки живут в доме, на улице не ходят и спят везде. И еду для них приходится покупать специальную кошачью, и витамины для улучшения шерсти. И подавать болящим в постель. На подносе. А вместо кур я держу совершенно бесполезного грача с поломанным крылом и облезлую молодую ворону с перспективой выздоровления. Полная деградация и декаданс – иначе это не назовешь. Маньеризм и вырождение. Но червоточина кроется все-таки в наследственности: своих кроликов мама есть не могла. «Да, были люди в наше время – не то что нынешнее племя!» – сказал поэт почти двести лет назад, и был прав – народ мельчает.

Иллюстрация автора

